

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление от переводчика Джошуа Фримана	9
Пролог. Допрос.....	19
Глава 1. Звонок из Пекина.....	35
Глава 2. Моя гордыня	47
<i>Женская тюрьма</i>	58
Глава 3. Незваные гости	59
Глава 4. Продавец книг по имени Эли.....	69
Глава 5. Красная повязка.....	81
<i>Улица Дороги единения</i>	87
Глава 6. Из окна автомобиля.....	89
Глава 7. Ключ.....	103
Глава 8. Подвал полицейского участка.....	113
<i>Таинственное место</i>	123
Глава 9. Паспорта.....	125
Глава 10. Отказ	133
Глава 11. Дальние берега	143
<i>Потерянный в Париже</i>	153

Глава 12. Белые листы, голубые листы	155
Глава 13. Навстречу урагану	165
Глава 14. За мной придут ночью	173
Глава 15. Последняя дверь	185
<i>Тело</i>	195
Глава 16. Квартира	197
Глава 17. Не попрощавшись	205
Глава 18. Билет в один конец	213
<i>Где-то еще</i>	224
Эпилог. Сны изгнанника	225
<i>Что это?</i>	236
Благодарности	237

ВСТУПЛЕНИЕ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА ДЖОШУА ФРИМАНА

Если пару лет назад вам случалось вызывать такси в Вашингтоне, возможно, вашим водителем был один из самых выдающихся уйгурских поэтов современности. Тахир Хамут переехал с семьей в США в 2017 г., спасаясь от китайских властей, безжалостно преследовавших его народ. Тахиру удалось не только избежать грозившего ему заключения в лагерях, в которых исчезли более миллиона уйгуров, но и рассказать всему миру о несчастьях, постигших его родину. В своих мемуарах он рассказывает об одном из самых острых гуманитарных кризисов в мире и делится историей выживания своей семьи.

Я был знаком с творчеством Тахира еще до нашей встречи. Впервые я прочитал его стихи вскоре после того, как начал работать переводчиком в Синьцзяне — регионе на западе Китая, где живут уйгуры. Мой близкий друг неоднократно говорил мне, что, если я хочу понять уйгурскую культуру, мне нужно начать с поэзии. Как и многие американцы, я не испытывал особой тяги к поэзии и не последовал его совету. Но вскоре другой мой приятель вручил мне стопку листов со стихами Тахира. Никогда раньше я не был так глубоко взволнован поэзией.

Для уйгуров поэзия — дело не только писателей и интеллектуалов. Стихи вплетены в повседневную жизнь — их цити-

руют в разговорах, делятся ими в социальных сетях и обмениваются строками с любимыми. С помощью поэзии уйгуры сообща решают проблемы, будь то вопрос гендерных ролей или противостояние государственным репрессиям. Даже сейчас, когда я проверяю почту по утрам, папка входящих сообщений полна свежих стихов, ждущих моего перевода. Эти стихи отправляют мне уйгурские поэты, которых раскидало по свету.

С поэзией уйгуры связывают влияние и славу. Попросите их назвать 10 выдающихся уйгуров — и среди прочих имен будет несколько поэтов. Попросите уйгурских интеллектуалов перечислить самых известных уйгурских мыслителей и писателей — и, возможно, вы услышите имя Тахира Хамута.

Я познакомился с Тахиром в начале 2008 г., когда начал переводить уйгурскую поэзию. Встреча с ним стала для меня такой же незабываемой, как и его стихи. Худощавый, смуглый, энергичный и статный, Тахир отличался пристальным взглядом и напористой манерой речи, а высказывания его были всегда точны. В наших беседах мы обращались к самым разным темам и переходили от поэзии — к политике, от истории — к религии. Мне вскоре стало ясно, что спектр его интересов весьма широк, а жизненный опыт огромен.

Тахир родился в семье фермеров и провел детство в деревушке на окраине Кашгара — древнего города на юго-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района. Ритм и традиционный жизненный уклад уйгурской деревни неиссякаемый источник его поэзии. Он родился во времена «культурной революции», в разгар радикального маоизма, а совершеннолетия достиг к 1980-м гг. — на заре эпохи экономической и культурной либерализации. После эпохи мрачной, политизированной поэзии времен правления Мао Цзэдуна последовал расцвет новых жанров и стилей. Когда Тахир, еще будучи школьником, опубликовал свое

первое стихотворение, литературная среда кипела, бурлила и развивалась.

С отличием окончив школу, Тахир переехал в Пекин и поступил в университет. Выросший в Кашгаре, где все говорили на уйгурском, теперь он оттачивал китайский, штурмуя тома авангардистской китайской поэзии наряду с китайскими переводами Фрейда. Вскоре юноша с головой погрузился в западную литературу — одно время Тахир буквально не расставался с переведенным на китайский сборником стихов Уоллеса Стивенса. Это была эпоха головокружительных литературных открытий и возможностей — Тахир и другие уйгурские студенты часто собирались вместе, чтобы обсудить прочитанное или поделиться тем, что написали сами.

В столице Китая в это время было неспокойно. Новое поколение отказывалось мириться с медленным темпом реформ и все настойчивее требовало демократических свобод и искоренения коррупции. На втором курсе Тахир участвовал в организации голодных забастовок и маршей студентов накануне протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Правительственные танки сокрушили студенческое движение, но не интерес Тахира к политике.

Окончив университет, Тахир какое-то время работал в Пекине, а затем получил должность преподавателя китайского языка в Урумчи — столице Синьцзян-Уйгурского автономного района. Параллельно с основной работой он продолжал писать стихи, в большинстве своем модернистской направленности. В некоторых из них затрагивались некогда табуированные в уйгурской литературе темы. (В одной из широко обсуждавшихся поэм 1994 г. упоминались марихуана, мастурбация и «спившаяся нация».) В авангардистских кругах Тахир быстро заработал репутацию талантливого юного поэта.

В 1996 г., поскольку он был уйгуром в Китае, политика грубо вторглась в его жизнь. Тахир выехал из Урумчи в надежде

продолжить обучение за границей, но его арестовали при попытке покинуть Китай. Под пыткой он дал ложные показания о том, что собирался выдать государственную тайну. Тахир был в заключении почти три года. Условия в тюрьме были тяжелыми. Он похудел до 45 кг.

Освободившись в конце 1998 г., Тахир был вынужден начать жизнь с нуля — и с черной пометкой напротив имени в партийном архиве. Через год он устроился на работу в киноиндустрию и вскоре занялся режиссурой независимого кино. К началу 2000-х гг. Тахир зарекомендовал себя как выдающийся и весьма оригинальный режиссер, известный главным образом благодаря своей новаторской драме «Луна — свидетель» (*The Moon Is a Witness*). Его карьера поэта также набирала обороты; не изменял он и своей давней привычке много читать.

Для человека всего несколько лет назад освободившегося из трудового лагеря это была невероятная глава в жизни. Фоном ухудшались политические условия и межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском районе. В 2000-х гг. китайское правительство практически уничтожило образовательную систему на уйгурском языке — уйгурские дети обязаны были учиться в школах-интернатах, преподавание в которых велось только на китайском. Дискриминация уйгуров со стороны ханьского большинства становилась повсеместной: работодатели отказывались брать уйгуров на работу, говоря, что в представителях меньшинств не нуждаются. Ссылаясь на проблему безработицы, частично созданную самим государством, власти Китая принуждали уйгуров браться за низкооплачиваемую работу в отдаленных регионах. Там они жили в переполненных общежитиях под строгим надзором, в незнакомой и зачастую враждебной обстановке.

Год за годом недовольство уйгуров росло, не находя выхода, — все медиа тщательно контролировались государством. Наконец в середине 2009 г., после того как на фабрике

игрушек в Восточном Китае рабочие-хань устроили самосуд над своими коллегами-уйгурами из-за неподтвержденных слухов об изнасиловании, Урумчи накрыла волна жестокого противостояния между уйгурами и хань. Количество жертв исчислялось сотнями — автобусы поджигали, витрины магазинов разбивали вдребезги, случайных прохожих на улицах забивали до смерти.

В сентябре, в разгар массовых протестов против секретаря региональной партии, Тахир шел по многолюдной улице, и группа представителей хань окликнула его: «Эй, ты уйгур?» Позже он признался мне, что у себя на родине ему и в голову не приходило скрывать свое происхождение. «Да, уйгур, — отозвался он. — А вам-то что?» На Тахира обрушился град ударов — ему удалось спастись, перепрыгнув через забор и очутившись в укромном месте. И по сей день его глаз порой подергивается. Однако даже избиение его не остановило.

Однажды я спросил Тахира, обязан ли он своей стойкостью годам, проведенным в тюрьме и трудовом лагере. Он ответил, что нет, и признался, что еще до заключения прекрасно понимал: быть представителем уйгурского интеллектуального сообщества в Китае очень рискованно.

Я уверен, что жизненный опыт помог Тахиру предугадать будущие события раньше, чем многим другим его соотечественникам. В один из осенних дней 2016 г. я ужинал с ним и несколькими друзьями. Подобные ужины были нашей традицией уже лет 10, и, как обычно, тосты, шутки и беседы продолжались вплоть до поздней ночи. Пустые бутылки из-под вина выставлялись в ряд, пока мы наслаждались дымящимися кониной и лапшой. В воздухе клубился сигаретный дым — это писатель Перхат Турсун чередовал свои знаменитые анекдоты с крепкими затяжками.

После Тахир предложил подвезти меня домой, и мы с ним в темноте отправились к его машине. Однако вместо того, чтобы двинуться в путь, продолжили беседу, сидя в его

«Бьюике». В городе, где даже у стен есть уши, пустая парковка — идеальное место для доверительной беседы.

Мы обсуждали ухудшающуюся политическую ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Указав на новый полицейский участок рядом с парковкой, Тахир рассказал, что за последние месяцы полиция допросила большинство его бывших сокамерников из трудового лагеря. Мы говорили и о его недавних путешествиях за границу, и Тахир с интересом расспрашивал меня о жизни в США. Я почувствовал, что наступил момент, чтобы спросить его о том, о чем я не решался спросить раньше: «Вы думаете о переезде в Америку?»

Глядя мне прямо в глаза, он ответил: «Да».

Мысль об отъезде пугала Тахира и его жену Мархабу. «Не так-то просто начать жизнь с нуля в чужой стране с чужим языком, когда тебе за сорок и у тебя двое детей», — поделился он со мной. Придется расстаться с друзьями и с карьерой. Кроме того, в обозримом будущем обратной дороги не будет: стоит запросить политическое убежище в США, и любая поездка в Китай может обернуться заключением. Однако с учетом мрачных политических перспектив Синьцзяна Тахир и его семья морально готовились к тому, что им придется уехать, если ситуация ухудшится.

Ситуация ухудшилась. Летом, полгода спустя, из Синьцзян-Уйгурского района начали поступать сообщения о массовых арестах и лагерях для интернированных. Даже я, покинувший Синьцзян в конце 2016 г., понимал, насколько ситуация серьезна. Самые близкие друзья из Синьцзяна один за другим начали удалять меня из друзей в WeChat, потому что переписка с лицами за границей могла стать предлогом для ареста.

Тахир долго оставался на связи: время от времени он писал мне, чтобы обсудить мои переводы его стихов, но потом тоже затих. В конце июня 2017 г. он внезапно прислал мне голо-

совое сообщение. «Погода в мае тут очень плохая, — сообщил он. Так уйгуры иносказательно называли политические репрессии. — Я никак не мог связаться с тобой. Сложно это сделать, когда погода постоянно меняется». Мы перекинулись парой сообщений об одной из его поэм.

А дальше тишина. Это были последние сообщения, которые я получил от друзей оттуда.

В последующие месяцы новости становились всё мрачнее. Было ясно, что, как бы мы ни надеялись, это не очередная краткосрочная кампания. Осознавая масштабы кризиса, я постоянно думал обо всех, кого знал. В особенности переживал за Тахира, учитывая его заключение по политическим мотивам в прошлом. Но у меня не было никакой возможности узнать, всё ли с ним в порядке. И всё ли в порядке хоть с кем-нибудь.

Синьцзян-Уйгурский район стал гигантской тюрьмой, окруженной силами безопасности и уникальнейшей в истории биометрической системой наблюдения. Деревни и кварталы быстро пустели — людей забирали в лагеря для интернированных. У уйгуров конфисковали паспорта. Связь с внешним миром была обрублена. Выбраться стало почти невозможно.

Однако даже невозможное оказалось возможным для одного человека. В конце августа общий знакомый из Шанхая сообщил мне, что Тахир готовится уехать в США. Я хранил молчание, опасаясь связываться с ним, прежде чем он покинет Китай. Затем другой общий знакомый передал мне американский номер и сказал, что он принадлежит Тахиру. Я тут же позвонил.

Тахир взял трубку. «Тинчликму?» («Как ты?»). Мы поздоровались как обычно. Я спросил его, где он находится. Услышав, что он с семьей в Вашингтоне, я ощутил невероятное облегчение. После долгих месяцев самых мрачных новостей из Синьцзян-Уйгурского района это казалось чудом.

Вскоре после прибытия в США Тахир задумался о том, чтобы написать о кризисе в Синьцзяне от первого лица. Но ему потребовалось несколько лет, чтобы пустить корни в новой стране, и на это уходили все силы. Он работал таксистом, учил английский, занимался подачей документов на политическое убежище. Лишь в конце 2020 г. обстоятельства позволили Тахиру начать записывать воспоминания.

Стоило ему начать, как на страницы хлынул поток мыслей. Он писал так, что я едва успевал переводить. Каждый раз, когда мы обсуждали черновики, всплывали новые подробности и темы. Летом 2021 г. *The Atlantic* опубликовал отрывок мемуаров Тахира в сокращении. Кризис в Синьцзяне тем временем усугублялся. Тахир продолжал писать.

Мемуары, которые вы прочтете, — это воспоминания человека, пережившего уничтожение своей родины. Работая над книгой, Тахир много и часто общался с другими беженцами и сопоставлял свои мысли с опытом соотечественников и информацией из публичных источников. Все имена, не считая имен членов семьи и некоторых знакомых, были изменены, чтобы оградить этих людей от преследований со стороны государства.

Насколько я знаю, из всей плеяды талантливых уйгурских писателей из Синьцзяна лишь Тахиру удалось сбежать после начала массового интернирования. В его свидетельстве сочетаются поэтическая экспрессия и ясный взгляд на двойственность людской мотивации даже в самых крайних случаях. Система государственного террора в Синьцзяне управляется бесчеловечной бюрократией, но те, кто приводит в действие эту машину и гибнет под ее колесами, — обычные люди, и их многогранность отражена в рассказе Тахира.

Мир в его рассказе — это мир, с которым нам всем необходимо бороться. Война китайских властей с уйгурским меньшинством беспрецедентна, но в этой войне применяются знакомые всем инструменты. Социальные сети, предсказы-

вающие поведение компьютерные алгоритмы, высокотехнологичное оборудование для слежки, в большинстве своем разработанное на Западе — все это используется властями в Синцзяне для доказательства необходимости репрессий. Исламофобский дискурс, который набрал силу в США, стал для китайских властей отличным поводом, позволившим оправдать политику террора. Международные корпорации вовлечены в цепочку поставок, которые провоцируют принудительный труд в Синьцзян-Уйгурском районе.

Помимо Тахира в мой круг друзей в Урумчи входило много других людей — некоторые из них, выдающиеся писатели и представители интеллигенции, встретятся вам на страницах этих мемуаров. Их голоса до сих пор эхом отдаются в моей памяти. Широту взглядов и силу духа того окружения можно заметить даже на фоне трагедии, отраженной на этих страницах: здесь и владелец магазина, который старательно переводит труды Бертрана Рассела, несмотря на риск ареста, и писатель, чье искрометное чувство юмора скрашивает чудовищные события.

Будь у них возможность поговорить с нами, все они убедительно свидетельствовали бы о кризисе, который продолжается и поныне. Но такой возможности у них нет: преследование последних лет заглушило их голоса — по крайней мере на некоторое время. Ради них и ради бесчисленного множества таких же, как они, но неизвестных нам соотечественников Тахир делится своей историей с миром.

ПРОЛОГ

Допрос

На дворе был март 2009 г. Пообедав, я засел с книгой в своей библиотеке. Мархаба, моя жена, убирала посуду на кухне.

В дверь постучали. Я открыл. На пороге стояли два парня и девушка — все трое уйгуры. Мархаба выглянула из кухни.

— Тахир Хамут? — уточнил у меня парень, стоявший впереди.

— Да, это я.

— Мы хотели бы поговорить о вашей регистрации домохозяйств. Не могли бы вы проследовать с нами в полицейский участок?

Он говорил спокойно. Двое за его спиной, судя по всему, были помощниками. Все ясно — ко мне наведались полицейские, переодетые в штатское.

В Китае регистрация домохозяйств предполагает сбор основной информации о каждом члене семьи и считается самым важным документом, удостоверяющим личность. Проверка регистрации — распространенный предлог, чтобы провести обыск или кого-то задержать.

— Разумеется, — отозвался я тоже спокойно.

— Не забудьте паспорт, — добавил полицейский.

— Уже взял, — похлопал я по бумажнику в кармане. Мархаба наблюдала за происходящим с тревогой.

— Не волнуйся, всё в порядке, — успокаивал я ее, обуваясь и надевая куртку. — Просто проверяет регистрацию.

Пока мы спускались, полицейские шли впереди и позади меня, как конвоиры. На улице было ясно, но холодно.

Они приехали на гражданской машине: это означало, что визит неофициальный. Я устроился на заднем сиденье рядом с полицейским, который со мной говорил, второй сел за руль, девушка — на пассажирское сиденье.

Я пытался понять, за что меня задержали, но в голову не приходило ровным счетом ничего.

Мы выехали с территории жилого комплекса и вскоре оказались на главной трассе. Чтобы доехать до местного участка, нужно было повернуть налево на перекрестке. Мы свернули направо. Парень, говоривший со мной, вытащил из кармана полицейское удостоверение и показал его мне.

— Меня зовут Экбер. Это Миджит. Мы из бюро общественной безопасности Урумчи. Хотели поговорить с вами.

Девушку он не представил.

Обращаясь ко мне, Экбер использовал уважительное местоимение *сиз*. Хороший знак. Если бы они считали меня преступником, то с самого начала использовали бы неформальное сухое *сен*.

Я молчал и изо всех сил старался сохранять самообладание. По моему опыту, чересчур бурная реакция в такие моменты не помогала. Надо было сделать так, чтобы у них сложилось впечатление, будто я понятия не имею, в чем меня подозревают. Страхом, тревожностью и смятением такие люди обычно наслаждались.

— Кем вы работаете? — спросил Экбер.

На вопрос не походило — он просто меня проверял.

— Режиссером, — коротко ответил я.

Он согласно кивнул и продолжал:

— Пишете сценарии?

Услышав это, я задумался: не задержали ли они меня за то, что я пишу?

— Нет, снимаю по чужим.

— И по чьим сценариям вы снимали?

Я упомянул имена трех авторов. Одним из них был мой друг — Перхат Турсун.

— Перхат Турсун? Это он оскорбил пророка Мухаммеда?

Я удивился, услышав подобное от полицейского, но быстро взял себя в руки. Вероятно, он просто прощупывал мои религиозные взгляды. Тем не менее его вопрос меня поколебил.

— Вы читали роман, в котором Перхат Турсун предположительно оскорбил пророка? — раздраженно поинтересовался я.

Но Экбер не собирался отступать.

— Нет, я читал эссе о романе.

— Советую сначала прочитать оригинал, — возразил я. — Вам, как государственным служащим, полагается тщательно все изучать.

В романе Перхата Турсуна «Искусство суицида», увидевшем свет 10 лет назад, поднимались темы, которые в уйгурской литературе традиционно замалчивались: отчуждение, сексуальность, суицид. Он бросил вызов эстетическим условиям и социальным нормам и оказал большое влияние на современную литературу. После того как один из критиков-консерваторов выдвинул ложные обвинения, утверждая, что в романе оскорбляют пророка, Перхат Турсун подвергся травле на фоне ожесточенных общественных дебатов. Его даже угрожали убить.

— Вы тоже писатель? — спросил Экбер.

— Я поэт.

— Какие стихи пишете?

— Вы не поймете.

— А, так вы сочиняете эти мутные абстрактные стишки ни о чем? — усмехнулся он.

Я промолчал. В машине стало тихо. Мы проезжали одну знакомую улицу за другой.

Я до сих пор не знал, за что меня забрали, и все пытался понять, связано ли это с моим предыдущим арестом более чем десятилетней давности. Если да, то у меня будут большие проблемы.

В 1996 г. я планировал уехать учиться в Турцию, но был арестован на китайско-киргизской границе за «попытку вывезти нелегальные и конфиденциальные материалы за пределы страны». В то время любого уйгура могли арестовать по малейшему поводу — настала и моя очередь. Спустя полтора года в тюрьме Урумчи меня приговорили к трем годам трудового перевоспитания. Половину срока я уже отсидел, а вторую мне предстояло провести в трудовом лагере в Кашгаре.

Освободившись, я узнал, что меня уволили с должности преподавателя. В Урумчи я вернулся без денег и без работы. Регистрация — вот все, что у меня осталось.

Трудясь днями и ночами, я смог получить работу режиссера. Однако как режиссер-отщепенец, работающий не на государство, чаще всего снимал низкобюджетные телевизионные сериалы, музыкальные клипы и рекламные ролики. Я едва сводил концы с концами. Иногда работы для меня и вовсе не было.

Примерно в это время Синьцзянская телевизионная станция искала переводчиков ежедневных новостей с китайского на уйгурский. По результатам языкового теста я был первым из 300 кандидатов, но при проверке моего досье выяснилось, что с предыдущей работы меня уволили. В результате мою кандидатуру отклонили.

После этого я долгое время писал стихи. Впрочем, на жизнь этим заработать невозможно. Вот как обстояли дела к 2001 г., когда мы с Мархабой поженились.

Познакомились мы за несколько лет до этого, после моего возвращения из Пекина в Урумчи. Перхат Турсун тогда в нерабочее время трудился в небольшой компании, которая предоставляла сельскохозяйственную информацию уйгурским фермерам, и предложил мне присоединиться. Учебных часов в школе у меня было совсем немного, и я согласился. Именно в той компании мы и познакомились с Мархабой, которая пришла туда совсем недавно. Я часто ловил на себе взгляд этой умной девушки — она словно присматривалась ко мне.

Мархаба была на пять лет младше и по обычаям должна была звать меня Тахир-ака. Приставка *ака*, означающая «старший брат», обычно используется уйгурами при обращении к любому мужчине старше по возрасту. К старшим женщинам обращаются *хеде* — «старшая сестра». Но Мархаба звала меня просто Тахиром. Было ясно, что она не похожа на других.

В обеденные перерывы мы часто встречались и разговаривали. Постепенно мы сблизились.

За три года в тюрьме я утратил контакт с Мархабой. Вернувшись в Урумчи, я первым делом уточнил у жены Перхата, свободна ли Мархаба. Спустя несколько дней мы с ней решили встретиться напротив Пекинского народного театра.

Когда я пришел, она уже ждала меня. Мархаба улыбнулась мне — у нее была самая милая улыбка на свете. Впрочем, стоило нам поздороваться, как ее лицо омрачилось. Когда три года назад я внезапно пропал, не попрощавшись, она поначалу очень обиделась. Узнав, что меня арестовали, девушка три дня проплакала, не выходя из дома. Даже есть не могла.

В тот морозный зимний день, в сумерках, мы стояли у дороги и разговаривали, пока мимо проносились машины. За годы, проведенные в тюрьме, я стал чувствителен к малейшему дискомфорту, но после слов Мархабы перестал замечать холод.

После той встречи мы виделись постоянно. Теперь, когда три тоскливых года были позади, я ощущал острую необ-

ходимость в семейном тепле. Наши отношения с Мархабой постепенно становились серьезнее. Она была доброй, и сердце у нее было золотое. Мархаба часто приходила ко мне, окружала меня заботой и разделяла со мной печали и тревоги.

Наконец мы решили пожениться. Мои родители в Кашгаре были небогаты, но они помогли нам снять квартиру. Для выкупа я занял у друга 5000 юаней — это очень небольшая сумма для выкупа. «Не переживай, — сказала мне Мархаба. — Если будем трудиться вдвоем, то заработаем на хорошую жизнь». Поженившись, мы вместе скопили и вернули 5000 юаней владельцу.

Вскоре после свадьбы нам понадобилось зарегистрироваться в новом районе, где мы теперь жили. Я сходил в полицейский участок, подал заявку, забрал документы и принес их в участок в нашем районе. Отвечавшая за регистрацию полицейская-хань просмотрела мои документы. Ее резкая реакция застала меня врасплох.

— Номер вашего удостоверения личности не совпадает с номером удостоверения личности в регистрационном архиве.

— Как такое может быть?

— Оригинальный номер — пекинский, начинается с 11, — коротко ответила она. — А этот из Урумчи. Начинается с 65. Это неправильно. Каждому человеку присвоен уникальный номер. В вашем случае действующим считается только пекинский.

Я даже слов подобрать не мог.

— И что мне теперь делать? — вымолвил я наконец.

— Идти в участок, который выдал вам регистрацию. Исправьте номер и возвращайтесь. Иначе я не смогу вас здесь зарегистрировать.

Уезжая на учебу в Пекин, я взял с собой регистрационное удостоверение, как того требовали правила. Вскоре после этого в Китае появились первые удостоверения личности, и я получил свою карту. Поскольку зарегистрирован я был

в Пекине, то и номер на ней стоял пекинский. Вернувшись в Урумчи, я пришел в местный полицейский участок и получил новое удостоверение с номером Урумчи. Я не придавал значения перемене. Я предполагал, что если регистрация переносится, то и номер удостоверения меняется. Шесть лет я использовал его без проблем, а теперь оказалось, что номер удостоверения неправильный.

На следующий день я вернулся в старый полицейский участок и объяснил ситуацию. Ответственная за регистрацию полицейская, тоже из хань, взглянула на документы, которые мне выдали днем ранее, и тут же заметила проблему. Но она сидела за своим столом, ничего не говоря мне.

— Он правда недействителен? — спросил я на всякий случай.

Разумеется, она не хотела признавать ошибку. Чиновники, а уж тем более полицейские, вообще делают это крайне неохотно. Мне помнилось, что номер удостоверения шесть лет назад менял другой сотрудник, но эта полицейская все равно защищала честь коллеги и системы в целом.

Внезапно она подняла голову.

— Почему вы не обнаружили проблему сразу?

— Я думал, что при регистрации в Урумчи номер удостоверения меняется.

— Это ваша ошибка, — твердо сказала она.

Я начал терять терпение.

— Вы совершили ошибку, а теперь обвиняете меня? Я не могу изменить номер удостоверения, это ваша обязанность.

— Нет, так это не делается, — ответила она, проигнорировав мои слова. — Принесите извинительное письмо, где признаете вину за то, что не увидели ошибку раньше. Тогда я займусь вашим делом.

Мне нечего было ответить. Я понимал, что должен радоваться: есть возможность решить проблему, даже если для

этого придется взять вину на себя. После того как я написал извинительное письмо, полицейская заполнила форму под названием «Изменение номера удостоверения личности резидента Синьцзяна». Там значилось, что мой действующий номер ошибочен, в связи с чем будет восстановлен предыдущий. Внизу она поставила печать.

С восстановлением старого номера предыдущие шесть лет моей жизни, включая тюремный срок, словно канули в Лету. По правде говоря, мне невероятно повезло. Я надеялся и верил, что информация о моем наказании и заключении теперь стерта из полицейского архива. Общие базы данных в то время еще не получили широкого распространения.

Когда мы с Мархабой поженились, ни у меня, ни у нее не было постоянного места работы, и мы брались за мелкие подработки, чтобы сводить концы с концами. Мы оба усердно трудились на благо нашей семьи, и жизнь наша была хоть и трудной, но счастливой. Наконец меня взяли режиссером в частную медиакомпанию. У нас родились две дочери. Мы семь лет снимали квартиру, прежде чем в 2008 г. нам одобрили ипотеку и мы обзавелись своим домом.

Мои режиссерские работы постепенно набирали популярность. Я продолжал писать стихи и заработал неплохую репутацию в поэтических кругах. После стольких лет сложностей и неудач жизнь наконец-то наладилась. Появились первые признаки финансовой стабильности.

За 10 лет, прошедших после моего освобождения, полиция время от времени вызывала меня на допросы под разными предлогами. То же происходило и с другими представителями уйгурского интеллектуального сообщества. Впрочем, эти проверки не имели отношения к моему тюремному заключению. Этим я был обязан как замене номера удостоверения, так и тому факту, что меня арестовали в префектуре Кызылсу, тогда как зарегистрирован я был в Урумчи. За исключением особо громких дел, местную полицию, как правило, интересует

то, что происходит в рамках вверенного ей участка. Полицейские из Кызылсу попросту не могли постоянно преодолевать 15 000 километров до Урумчи, чтобы приглядывать за мной.

Если теперь из-за того ареста и тюремного заключения я попал в черный список полиции Урумчи, за мной будут следить до конца моих дней. Стабильной жизни, которой мы с женой добились с таким трудом, пришел конец.

Мы проехали по узкой центральной дороге и остановились напротив полицейского участка района Тенгритاغ. Здание было старым. Полицейские в штатском отвели меня на второй этаж, в кабинет без таблички на двери. Там стояло три стула и три стола, на каждом из которых пылился простенький компьютер — похоже, кабинетом не пользовались по меньшей мере месяц.

Экбер жестом указал мне на стул ближе к двери. Девушка-полицейская куда-то пропала.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил Экбер.

— Колы, если можно, — ответил я.

Миджит вышел из кабинета. Экбер включил компьютер, который был ближе к окну, и вежливо поинтересовался: «Можно взглянуть на ваше удостоверение?» Я вытащил карточку из бумажника и протянул ему. Он положил ее на стол.

Миджит вернулся с тремя запотевшими банками кока-колы. Одну он протянул мне, вторую — Экберу. Экбер вышел из кабинета. Попивая из банки, я старался казаться спокойным. Миджит поставил банку на стол, глянул на мерцающий монитор и направился к двери. Прежде чем он вышел, я сказал ему, что мне нужно в уборную, — просто хотел проверить их реакцию. В коридоре никого не было. Миджит сказал мне следовать за ним и отвел меня в туалет через пару дверей от нас. Я зашел внутрь. Он — следом, внимательно следя за мной. Очевидно, я представлял для них большой интерес.

Вернувшись в кабинет, я снова занял свое место на стуле у двери. Миджит вышел.

В одиночестве я провел около часа — то еще испытание для психики. Любой на моем месте с ума бы сходил, пытаюсь понять, почему он здесь. Чем дольше люди остаются в одиночестве без какой-либо информации, тем сильнее их одолевают волнение, смятение и отчаяние. Я прекрасно это знал и старался держать себя в руках.

Наконец Миджит и Экбер вернулись. Миджит принес стопку разлинованных листов и ручку. Экбер пододвинул стул поближе и сел напротив меня. Миджит занял стул рядом с компьютером у окна.

Наконец Экбер заговорил:

— Возможно, вам еще не приходилось здесь бывать. Понимаю, вы нервничаете, но не переживайте. Вам не о чем беспокоиться. Мы просто зададим несколько вопросов. Отвечайте честно, и мы вас быстро отпустим.

Услышав это, я понял, что сегодняшний допрос никак не связан с моим заключением, и внутренне расслабился.

— Конечно, — кивнул я уверенно.

Экбер принялся методично и дотошно расспрашивать меня, заноса мои личные данные в анкету: имя, возраст, адрес, место работы, члены семьи, родственники, краткая биография и дальше по списку. Обычная формальность.

Я сознательно умолчал о тюрьме. Рассказывая о работе в школе, сказал, что «уволился по собственному желанию». Ни для кого не секрет, что в середине и в конце 1990-х гг. всем хотелось попробовать «выйти в море». Огромное количество государственных служащих и сотрудников государственных предприятий оставило свои скучные должности, чтобы попробовать силы в частном секторе. Поэтому мое увольнение не выглядело чем-то необычным.

Миджит все записал. Пока я рассказывал, он периодически поглядывал на мое удостоверение на столе.

Ручка то и дело его подводила. Ему приходилось встряхивать ее, чтобы она писала. Мне даже стало его жаль, но у меня

с собой не было запасной ручки. Однако его терпение меня удивило. На его месте я бы уже сходил в соседний кабинет за новой ручкой.

Записав основную информацию, Экбер спросил, чем занимается моя компания. Я начал в деталях рассказывать о нашей деятельности.

— Есть ли у вас контакты за границей? — спросил он ровным голосом.

Я тут же все осознал. Последняя деталь пазла встала на место: сегодняшний допрос касался зарубежных связей.

— Кажется, дочь одного из сотрудников учится за границей, — честно сознался я.

— А как насчет вас? У вас есть контакты за рубежом? — продолжал он, неуклонно приближаясь к сути дела.

— Два человека. Мой друг Джурет получает докторскую степень в Японии, мы постоянно общаемся. А мой друг Аблет получает докторскую степень в Нидерландах, и мы часто созваниваемся.

Сказав это, я вспомнил, что неделю назад мы с ним проболтали больше часа. Причина допроса становилась все яснее.

Первым делом Экбер спросил про Джурета. Это был еще один маневр на пути к реальной цели разговора. Я решил его проверить: сознательно затянул рассказ о Джурете, раз его целью был Аблет. Дружим со старших классов. Джурет учился в медицинской школе в Чэнду, в провинции Сычуань. После выпуска вернулся в Синьцзян-Уйгурский район, где сначала работал в больнице традиционной китайской медицины Уйгурского автономного района, а затем — в онкологическом госпитале, тоже в Урумчи. Я видел, как Экбер постепенно теряет терпение, пока я выкладываю все эти бесполезные подробности. Когда я дошел до рассказа о том, как Джурет готовился к учебе в Японии, Экбер не выдержал и прервал меня.

— А Аблет? Какие у вас отношения?

Наконец мы перешли к сути дела. Я рассказал о том, как давно мы дружим, о работе Аблета в качестве редактора в издательском доме Урумчи, о его отъезде в Нидерланды по учебе. Экбер спросил, когда и о чем мы в последний раз говорили.

В последний раз Аблет звонил мне в субботу днем. За 10 дней до этого он позвонил и попросил меня прислать ему мои стихи. Его жена, которая не так давно переехала за ним из Урумчи в Нидерланды, располагала достаточным количеством свободного времени и хотела заняться переводом стихов с уйгурского на английский. Я отправил ему по почте десяток стихов, но почему-то письмо не дошло. Об этом он и спросил у меня в субботу. Я пообещал как можно скорее переслать стихи еще раз.

Потом мы принялись обсуждать интеллектуальную жизнь уйгуров — разговор был в самом разгаре, когда Мархаба жестом показала мне закругляться: обед был готов. Впрочем, даже тогда я все никак не мог прервать разговор с дорогим мне другом на другом конце света.

Все это я описал Экберу в деталях. В разговоре не было ничего, что могло бы привлечь внимание полиции. Представители уйгурской интеллигенции, как правило, с величайшей осторожностью общались по телефону. Нередко мы шутили, что следим за собой больше, чем полиция — за нами. Скорее всего, власти зацепились не за содержание разговора, а за его продолжительность. Полиция хотела знать, о чем уйгур из Урумчи и уйгур из-за границы могли проговорить больше часа.

Мой подробный рассказ удовлетворил Экбера. Он заметно расслабился.

— Понятно. Об этом мы и хотели поговорить, — улыбнулся он. — Вы тоже учились в Пекине? Я окончил Народный университет общественной безопасности КНР.

— Правда? — улыбнулся я в ответ, но тут же подумал о Мархабе, которая наверняка сейчас места себе не находит. Мне захотелось поскорее уйти отсюда. Но Экбер никуда не торопился.

— Само собой, я намного младше. Вы для меня *ака*. Теперь, когда мы знакомы, давайте оставаться на связи.

Вот это мне меньше всего хотелось слышать. Впрочем, выбора у меня не было — только согласиться.

— Конечно, — ответил я вполне дружелюбно.

— Тогда свяжемся, как появится время. Если не смогу позвонить сам, Миджит вам наберет. Поболтаем за ужином.

Это была ловушка.

— Договорились, — коротко сказал я. — Звоните, когда будет удобно.

— О, и еще кое-что, — вспомнил Экбер, внезапно посерьезнев. — Чем вы пользуетесь для общения в сети?

— Почтой или QQ Messenger.

— Значит, стихи, которые вы посылали Аблету, все еще у вас в почте?

Он пытался выяснить, сказал ли я ему правду и не было ли чего-то политического в этих стихах.

— Уверен, что да.

— Тогда оставьте нам ваш адрес электронной почты и номер в QQ. И пароли. — Голос Экбера звучал безапелляционно. — Сейчас шесть вечера. Не заходите ни в один из аккаунтов следующие 24 часа.

Миджит перелистнул отчет, который заполнял, на последнюю страницу, положил его передо мной на стол и протянул свою подтекающую ручку. Я взял ее, встряхнул пару раз и записал все, о чем попросил Экбер. Миджит вернул мне удостоверение.

По дороге на выход Экбер распрощался со мной:

— Ладно, тогда на связи, Тахир-ака.

Подобное обращение казалось мне бессмысленным.

— А как мне добираться до дома? — спросил я раздраженно. — Раз уж вы меня сюда привезли, может, и назад отвезете?

После того как они полдня допрашивали меня без особой на то причины, мне хотелось немного отыгаться.

Никто из них не ожидал услышать от меня ничего подобного. Мои слова выбили Экбера из равновесия. Они с Миджитом переглянулись.

— О, конечно, само собой. — Экбер быстро взял себя в руки. — Миджит вас подвезет. Мархаба-хеде наверняка вас заждалась. Может, наберете ей, чтобы успокоить? — В его голосе прозвучала ирония.

Обратно мы вернулись на той же машине. К этому моменту уже стемнело.

Стоило мне переступить порог, как Мархаба бросилась ко мне вся в слезах. Она так перепугалась! Наши дочери Асена и Алмила подбежали обнять меня.

Когда меня забрали в участок, Мархаба тут же начала обзванивать всех друзей и знакомых, у которых могли быть связи в полиции, умоляя их помочь мне. Пара друзей уже запросили информацию о моем местонахождении. Я поспешно перезвонил им и сообщил, что ничего серьезного не произошло и я уже дома. Поблагодарил и повесил трубку.

Следующим вечером, через пару часов после истечения срока, отведенного Экбером, я создал новую почту и аккаунт в QQ — вместо тех, которые дал ему. От контактов с людьми за границей, в том числе с Джуретом и Аблетом, я решил на какое-то время воздержаться.

Пару недель спустя Экбер позвонил мне на работу. Обменявшись со мной любезностями, он пригласил меня поболтать. Я вежливо объяснил, что сейчас очень занят, но мы можем встретиться через пару дней, когда я буду посвободнее. Я хотел попробовать использовать такие оправдания, чтобы избежать встречи с Экбером и Миджитом. Стоит мне

согласиться встретиться с ними, и мои проблемы никогда не закончатся. Они явно вознамерились давить на мой страх перед полицией, чтобы понять, что из меня можно выбить. Если их план удастся, они сделают меня своим информатором. Или как минимум заставят меня каждый раз оплачивать счет за ужин.

Прошло еще две недели. Миджит позвонил и сказал, что Экбер хочет со мной поговорить. Я тут же придумал новое оправдание: я днями и ночами тружусь над документальным фильмом, поэтому в ближайшее время никак не получится, но я позвоню Экберу, как только выдастся минутка. Кажется, просто так меня не отпустят.

Примерно в то же время департамент культуры района решил организовать фестиваль в честь самобытной культуры доланов — субэтнической группы уйгуров, которые в большинстве своем жили на юго-западе. Фестиваль должен был пройти в Меркете — уезде, который считался колыбелью доланской культуры. На открытие запланировали масштабное представление. Чтобы курировать мероприятие, власти назначили исполнительного директора. Он был крайне занятым человеком, поэтому организаторам нужен был распорядитель для ежедневных задач на долгий период подготовки к фестивалю. Эту должность предложили мне.

Я был на полпути в аэропорт, когда Миджит вновь позвонил и предложил встретиться. Я без колебаний ухватился за возможность наконец вырваться из их ловушки и перестал подбирать слова: «Я на месяц уезжаю в Меркет по государственному поручению. Я не какой-то бездельник. Вы не можете просто так постоянно беспокоить меня. — Я говорил четко и решительно, и голос мой звучал сурово. — Если я совершил преступление, арестуйте меня. А если нет, прекратите эти звонки и абсурдные просьбы». Чтобы защититься от людей, работающих на государство, я специально подчеркнул, что уезжаю в командировку по делам государства — полицейские

любили третировать таких, как я, не работающих на государство.

Сработало как по волшебству. Звонки прекратились.

В начале мая мы отмечали свадьбу друга в ресторане в Урумчи. Там собрались практически все мои друзья и знакомые. Я был ведущим мероприятия и весь вечер носился туда-сюда, решая разные вопросы.

В какой-то момент я проскользнул в уборную. Выйдя оттуда, я врезался в Экбера.

— О, вы тоже на свадьбу? — спросил я как ни в чем не бывало.

— Да, все так, — ответил он, явно растерявшись. — Еще увидимся.

Он поспешно скрылся в уборной.

Пытаясь понять, что он тут делает, я подошел к столу жениха и невесты и аккуратно спросил, приглашали ли они офицера полиции по имени Экбер. Меня заверили, что такого гостя в списке не было. Моя роль в торжестве давала мне отличный предлог покружить по залу, не сводя глаз с Экбера. Его нигде не было.

Жених только вернулся с учебы за границей, и среди гостей был наш американский товарищ. Я предположил, что это и есть причина внезапного появления Экбера. Должно быть, в его обязанности входило следить за людьми, у которых есть связи за границей. Я понял, что от ока секретной полиции теперь не укроется ничего.

И хотя я знал, что нам не избежать рутинного полицейского преследования, и не слишком верил, что что-то изменится, все же надеялся, что мне не придется проходить через все это снова. Я устал жить в постоянном страхе.

Звонок из Пекина

Я часто вспоминаю 1 января 2013 г. В тот вечер мне внезапно позвонил Ильхам Тохти — профессор экономики из Центрального университета национальностей в Пекине. Мы не общались с ним целую вечность. Звонил он из уйгурского ресторанчика рядом с университетом, где отмечал Новый год с нашим общим знакомым из Пекина.

После обмена любезностями Ильхам торжественно объявил: «К власти пришел Си Цзиньпин. Теперь все наладится. Не вешай нос. И передай нашим друзьям из Урумчи, чтобы надеялись на лучшее». Настроение у него было прекрасное. Говоря о надежде на лучшее, он имел в виду политическую обстановку.

Сейчас мы знаем: глупо было ждать чего-то хорошего по отношению к уйгурам со стороны Си Цзиньпина, но в те времена многие представители уйгурской интеллигенции действительно на это надеялись. Либералы-хань также предполагали, что он окажется на их стороне. Государственной политике Китая не хватало прозрачности, и поэтому политический вектор новых лидеров был предметом всеобщего обсуждения.

Отец Си Цзиньпина Си Чжунсюнь занял должность высокопоставленного чиновника Коммунистической партии на северо-западе Китая вскоре после прихода партии к власти и раскритиковал репрессивную политику в Уйгурском районе. Представители уйгурской интеллигенции надеялись, что Си Цзиньпин продолжит политику отца. Эти надежды были вызваны отчаянием — измученный народ мечтал о справедливом и гуманном отношении со стороны колониальных правителей.

С Ильхамом Тохти я познакомился в начале 1990-х гг. в Центральном университете национальностей — так он тогда назывался. Я оканчивал бакалавриат, а Ильхам учился в магистратуре на экономиста. Он был невероятно энергичным и словоохотливым: говорил так быстро, будто его рот переполняли слова и ему срочно нужно было их выплюнуть. Стоило нам пересечься в кампусе, как он тут же принимался возбужденно говорить не сходя с места, пока мимо сновали преподаватели и студенты. Если уж Ильхам начинал говорить, остановить его было трудно, особенно если разговор касался его любимой темы — экономики и демографии Уйгурского района.

Ильхам мог бы стать самым выдающимся уйгурским интеллектуалом-диссидентом в Китае. В середине 2000-х гг. он создал сайт на китайском языке под названием Uyghur Online, где публиковал статьи в защиту прав уйгуров. Он писал о том, что китайские власти не реализуют политику автономии в Уйгурском районе; что Синьцзянский производственно-строительный корпус функционирует как неправовое государство внутри государства; что быстрый приток поселенцев-хань превращает коренное население региона в меньшинство на их же территории; что уйгуры столкнулись с ужасающей безработицей; что уйгурский язык вычеркнули из образовательной системы.

Главной целью было поддержание адекватного диалога между хань и уйгурами и укрепление межнационального взаимопонимания. Сайт стал площадкой для единомышленников среди интеллектуалов и студентов — уйгуров, хань и всех остальных — и приобрел популярность за границей. С Uyghur Online меня познакомил двоюродный брат — он рассказывал, что многие молодые уйгуры активно его читают и обсуждают прочитанное между собой.

Разумеется, диссидентские взгляды Ильхама Тохти не могли не привлечь внимание китайских властей. Полиция регулярно приглашала его на «чай» — эвфемизм, обозначающий допрос или вынесение неофициального предупреждения. В особо важные периоды, например во время Олимпийских игр 2008 г. в Пекине или визитов западных лидеров в Пекин, полиция забирала семью Ильхама на месяц «на каникулы». В 2009 г., после того как Ильхама обвинили в причастности к июльским волнениям в Урумчи, он внезапно исчез вместе с семьей. Все думали, что его арестовали. Но спустя полтора месяца неофициального заключения в пригороде Пекина Ильхаму с семьей позволили вернуться домой.

Несмотря на все это, Ильхам не верил, что власти действительно арестуют или посадят его. Он был профессором столичного университета и считал, что его критические высказывания не выходят за рамки закона. Кроме того, он был зарегистрирован в Пекине, и это тоже давало ему определенную свободу. Политический климат в столице ощутимо отличался от того, что происходило в Уйгурском районе. Если бы Ильхам развернул такую же активную деятельность в Синьцзяне, его бы давно арестовали.

Но все сложилось совсем не так, как предполагал Ильхам. В середине января 2014 г. его арестовали в пекинской квартире. Услышав эту новость, я расспросил, кто именно это сделал, и узнал, что арест проводили полицейские из Урумчи.